

А

Г. С. Батеньков

Развитие свободных идей

И дум высокое стремление... / Сост. Н. А. Арзуманова; примечания И. А. Мироновой.-- М., "Советская Россия", 1980 (Библиотека русской художественной публицистики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Первые мысли о выгодах свободного правления и привязанность к оному, как обыкновенно бывает, получил я во время обучения истории. Древние греки и римляне с детства сделались мне любезны. Но природные мои склонности влекли к занятиям другого рода: я люблю точные науки и на 15 году возраста знал уже интегральное исчисление почти самоюком.

Нрав мой вообще тих, робок, никогда не разделял я с товарищами их резвостей, но исполнен был стыдливости и самолюбия. Сии два недостатка поныне составляют в нраве моем источник дурной привычки скрывать свои недостатки и всегда оправдывать оные.

По вступлении в кадетский корпус я подружился с Раевским (бывшим после адъютантом у ген. Орлова). С ним проводили мы целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года. Мы развивали друг другу свободные идеи, и желания наши, так сказать, поощрялись ненавистью к фронтовой службе. С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, яко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича. В Сибири, моей родине, сие не бывает.

В разговорах с ним бывали минуты восторга, но для меня всегда непродолжительного. Идя на войну, мы расстались друзьями и обещались сойтись, дабы в то время, когда возмужаем, стараться привести идеи наши в действо.

Война представила мне поучительную картину; но я выходил из строя за ранами, должен был беспрестанно лечиться и продолжал свое образование. Будучи любим товарищами, всегда увлекался с доверчивостью в их мечтания, на словах во всем принимал участие, но когда доходило до дела в каком-либо предприятии или шалости, старался удерживать других или, по крайней мере, уклоняться. Военной славы не искал: мне всегда хотелось быть ученым или политиком. Во время двух путешествий за границу мысли о разных родах правления практическими примерами во мне утвердились, и я начал иметь желание видеть в своем отечестве более свободы.

Следуя природным склонностям, я оставил службу в артиллерии, приехал в С.-Петербург, занялся опять в тишине одними точными науками, с честью держал экзамен в Институте путей сообщения, вступил в сей корпус и отправился в (1816) в Сибирь на помощь престарелой матери. ,

Там нечем было заняться кроме наук¹. Должностные упражнения, хотя занимал я место окружного генерала, были неважны.

В 1819 сверх чаяния получил я три или четыре письма от Раевского. Он казался мне как бы действующим лицом в деле освобождения России и приглашал меня на сие поприще. Я располагал жениться и отвечал ему советами оставить все опасные предприятия. Между тем сам привык к сидячей и семейной жизни так, что ни за какое в мире благо не хотел с нею расстаться, если б гонение Пестеля не заставило бежать оттуда².

Жил довольно долго в Томске, где из семи или осьми человек составили мы правильную масонскую Ложу и истинно масонскую, ибо кроме добра, ни о чем не помышляли. Удаляясь из Сибири, я встретился с Сперанским³. Он с первого свидания полюбил меня, и с сего времени моя жизнь получила особенное направление. Мы обратились в Иркутск, он начал употреблять меня в дела и действительно обратил в юриста. Практика и образцовые творения сего мужа были для меня новым источником учения: я сделался знатоком в теории законодательства и стал надеяться достигнуть первых гражданских должностей. В издании Сибирского учреждения был первым сотрудником и могу похвалиться в особенности уставом о киргизах, доставившим России до 120 т[ысяч] новых подданных и необъятное пространство земель. Во все время я видел в Сперанском человека необычайного ума и твердости: никогда не жаловался он на свою ссылку, казалось, во всем свете не любил только одного Гурьева⁴. В случае распоряжений высшего правительства, кои представлялись ему несообразными, обыкновенно говаривал: *чудаки*.

Случилось с ним говорить о деспотизме бывшего в Иркутске губернатора Трескина, о невыгодах личных должностей, но во все время бытности у него, мы не касались политического состояния государства. При всей простоте обращения он всегда являлся на неприступной высоте.

А